

*Р*ождена она в безлунную ночь,
Самая старшая из троих дочь.
В руках ее сила живет,
Музыку магии она создает,
Ту, что жизнь твою заберет.

*Вслушайся скорее в ее симфонию,
Только постарайся не найти свою агонию.*

*Хладнокровие в ее жилах течет,
Недовольство других ее не гнетет,
Но бурю она готова поднять,
Если королю станешь ты угрожать.*

*Вслушайся скорее в ее симфонию,
Только постарайся не найти свою агонию.*

*Будь осторожен, дитя, берегись,
Мелодии ее поостерегись,
Обманчива вера в силы свои,
Желания теперь совсем не твои.*

*Вслушайся скорее в ее симфонию,
Только постарайся не найти свою агонию.*

*Отрывок из песни «Мусаи»,
которую поет Ачак*

Адилор

Эсром

Шанджари

Священный
остров

Долина Великанов

Насмешливый
туман

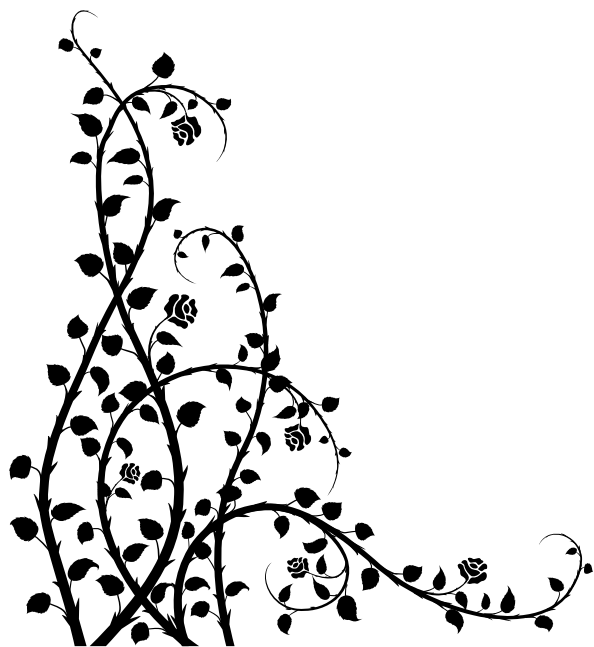
Бартер Бэй
(Буџта Обмена)

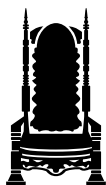
Море Обаси

Джабари

Лаклан

ПРОЛОГ

В ночь, когда Зимри Д'Энье стал сиротой, ему сообщили, что он будет жить с королем.

Собственные ноги казались мальчику настолько тяжелыми, что он не знал, как ему удастся идти по сверкающему ониксовому залу. Зимри не понимал, почему он еще дышит, ведь воздух будто исчез, утонул вместе с родителями. И хотя мать учила его, что слезы ничего не изменят, девятилетний Зимри не мог остановить их — они стекали вниз по его скрытому маской лицу.

Оба его родителя пропали в море.

Исчезли.

Погибли.

Только он осознал эти слова, как высокое существо, в фиолетовых глазах которого горели звезды, пришло и забрало его с собой.

Ачак, так оно называло себя. Оно не носило маску, его кожа была такой же темной, как у самого Зимри, но настолько гладкой, что становилось понятно: это создание пришло из другого мира. Фигура Ачак постоянно менялась, существо превращалось то в муж-

чину, то в женщину, и это изменение напоминало дуновение легкого ветерка, который ночью колыхает воду в пруду.

Ачак — древнее существо, брат и сестра, делившие одно тело.

Зимри впитывал эту информацию так же, как делал все остальное — быстро и тихо.

Когда растешь в Королевстве Воров, начинаешь понимать, что реальность не всегда такова, какой кажется. Его детство состояло из невозможностей и противоречий.

Совсем как теперь.

Зимри лег спать, когда в его жизни было так много, а проснувшись, понял, что лишился всего.

Вытирая слезы под бархатной маской, Зимри осматривал большой зал. Через каждые несколько шагов гладкий пол сменялся острыми пиками обсидиана, и такие же зазубренные образования выступали из потолка. Позже он узнает, что интерьер дворца имитировал пещеру, в которой находилось само королевство, где свисали и поднимались вверх сталагмиты и сталактиты. Из щелей выглядывали странно одетые жители, скептически поглядывая на тех, кто проходил мимо.

«Что ты скрываешь? Что можно забрать у тебя?»

Увидев Зимри, придворные в масках выскальзывали из тенистых углов, чтобы посмотреть, как мальчишка ведет вперед.

«Откуда ты знаешь нашего короля? И как мне познакомиться с ним?»

Зубы, когти, драгоценные камни, перья и резные кости украшали наряды, мантии и костюмы людей, которые оборачивались, наблюдая за движущейся процессией. Казалось, их взгляды дольше задерживались на идущем впереди существе без маски, чем на маленьком ребенке, оказавшемся во дворце.

Похоже Ачак не боялись, что их личность станет известна в этом царстве хаоса и разврата. И хотя такой выбор был свойственен лишь самым безрассудным и глупым смельчакам, Зимри понимал, что для Ачак нехарактерно ни то, ни другое. Исходившая от близнецов уверенность казалась поистине опасной.

Они оставляли лицо открытым, потому что им нечего было скрывать от этого тайного мира.

«Здесь нет таких пороков, которых бы мы не видели, нет грехов, которые бы не совершили», — читалось в их безразличном взгляде.

Шедший за спиной проводника Зимри дрожал, легко улавливая терпкий аромат потусторонней силы древних. Становилось очевидно, что Ачак хорошо известны при этом дворе, и, хотя Д'Энье, являющуюся одной из благороднейших Воровских семей, тоже знали в этом обществе, лица ее членов оставались загадкой.

«Репутация и личность, сын мой, бесценные товары в нашем королевстве, — однажды сказал отец Зимри, укладывая сына в постель, — и часто взаимоисключающие. Но самое интересное заключается в том, что с помощью маскировки мы можем перевоплотиться. Завтра можно стать кем-то другим, не тем, кем ты являешься сегодня».

Тогда те слова казались поразительными, а перспектива перевоплощения крайне увлекательной, но теперь, когда, оказавшись в незнакомом месте, Зимри шел за близнецами и рассматривал жадно наблюдающую за шествием толпу чужаков, он хотел лишь одного — оказаться во вчерашнем дне и быть мальчиком, у которого все еще есть родители.

— Какой прелестный малыш, — послышался высокий голос придворного. Тот наклонился, чтобы взглянуть на Зимри из-под своего головного убора, украшенного бисером так, что на виду оставались лишь зеленые глаза.

— Он здесь, чтобы развлечь нас, Ачак? — спросил другой, и рука с длинными заостренными ногтями потянулась к плечу Зимри. От фигуры исходило взволнованное любопытство. Кисло-сладкий аромат заставил мальчика напрячься. Хотя Зимри недоставало опыта в использовании своей магии, в дар от потерянных богов ему досталась возможность читать эмоции людей. Чувства приходили к нему в виде запахов и ароматов; печаль и гнев всегда отдавали гнилью, а вот счастье и надежда благоухали ароматом цветов.

— Он пришел к королю, — не сбавляя шага, ответили Ачак. — Так что лучше не трогайте то, что вам не принадлежит.

Парочка испуганно отшатнулась — в воздухе повис аромат несвежего мяса, — а затем поклонилась, бормоча извинения. Однако предупреждение Ачак лишь сильнее заинтриговало придворных. Ропот пронесся по залу так же быстро, как огонь пролетел бы по сухой траве. Внимание толпы теперь было приковано исключительно к Зимри, комнату наполнил едкий запах интриги.

Но в то время, как большинство детей, скорее, пришли бы в ужас от такой отвратительной обстановки, для Зимри все это едва ли было в диковинку. Подобные завсегдатаи каждый день наводняли нижние этажи его дома.

Воспоминания о родителях и их клубе породили более глубокую боль, она буквально сдавливала ребра мальчика. *«Их больше нет. Они оба погибли»*. Зимри потупил взгляд, уставившись на собственные ноги — черный пол и блеклое отражение теперь осиротевшего мальчика — вместо наблюдающих за ним придворных.

«Что станет с «Макабрисом»?» — подумал он, и его глаза снова наполнились слезами.

Неужели исчезнет так же легко, как и его родители?

«Да, — тихо всхлипнула его магия. — Так же легко, как и мы».

«Да, — молча согласился Зимри, с каждым мгновением печаль усиливалась, — так же легко, как и я».

Он был настолько поглощен горем и размышлениями о неизвестности, ждущей его в будущем, что поднял глаза, лишь когда Ачак провели его через большие массивные двери, окруженные двумя внушительными каменными стражами, и дальше в тронный зал.

Удушливый жар проникал сквозь накидку мальчика, и он тут же задрожал от ощущения присутствия древней магии, скопившейся в похожем на пещеру зале.

Лава змеилась оранжевым огнем по обе стороны от длинной тропы, которая становилась все уже по мере того, как посетители приближались к трону: сомнения терзали разум. *«Уверен, что хочешь быть здесь?»*

«Нет, — подумал Зимри, — я хочу домой».

Хотя он провел не один водопад песка, глядя из окна своей спальни на увенчанный зубцами дворец и думая о живущем внутри короле, этой ночью любопытство Зимри исчезло. Он желал невозможного — вернуться в гостиную собственного дома, сидеть рядом с отцом и матерью, слушать их долгие разговоры о том, что произошло в «Макабрисе».

Скандально известные гости, долги, которые они теперь контролировали. По крайней мере, тогда они были бы живы.

Но то время осталось в прошлом.

И не повторится вновь. Забвение никогда не отпускало мертвых.

— Подойди ближе, — громкий голос, смешанный с дюжиной других, позвал Зимри в тронный зал. Ачак отошли в сторону, оставляя мальчика одного перед Королем Воров.

Сильнейший страх охватил Зимри, когда он впервые взглянул на правителя своего мира. О короле